

М. Морошкин

**Иезуиты в России, с
царствования Екатерины II и
до нашего времени**

Часть 2. 1867-1870

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М80

Морошкин М.
М80 Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть 2. 1867-1870 / М. Морошкин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 538 с.

ISBN 978-5-458-39846-6

Иезуиты в России, с царствования Екатерины II и до нашего времени. Часть вторая, обнимающая историю иезуитов в царствование Александра I-го. Священника Михаила Морошкина.

ISBN 978-5-458-39846-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

стоятельность привилегированнаго искусства ихъ ордена— все предузнавать, развѣдывать и шпионствовать, а также обнаружившимъ всю шаткость ихъ положенія и зависимость ихъ существованія въ Россіи, не только отъ воли Государя, но и отъ личнаго расположенія Его министра, генералъ-губернатора, даже отъ минуты, случая, и наконецъ отъ придворной интриги и мановенія партіи, восторжествовавшей въ извѣстный моментъ. Еще утромъ того дня (11 Марта 1801 г.), въ который душа Павла предстала на судъ Божій, патеръ Груберъ по обыкновенію своему явился въ Михайловскій замокъ и былъ свидѣтелемъ неутомимой, живой и бодрой дѣятельности Императора; только пріемъ, сдѣланный во дворцѣ Груберу въ этотъ день, обнаружилъ чрезвычайную перемѣну въ придворныхъ отношеніяхъ къ о. іезуиту. По прежнимъ примѣрамъ, Груберъ прямо и смѣло шелъ къ дверямъ Государева кабинета и только лишь хотѣлъ переступить порогъ его, какъ длинная, мускулистая и холодная фигура Палена загородила ему дорогу въ кабинетъ и лаконически сказала патеру, что Императоръ теперь такъ занятъ важными государственными дѣлами, что не можетъ принять о. іезуита, и съ этими словами, быстро шмыгнувъ въ кабинетъ Павла и захлопнувъ за собою дверь кабинета. Изумленный Груберъ не успѣлъ ничего сказать Палену и остался въ предкабинетной залѣ ждать окончанія подписи Государемъ дѣлъ, пронесенныхъ Паленомъ къ Павлу, потому что іезуитъ на этотъ разъ явился во дворецъ съ весьма важнымъ дѣломъ, надъ которымъ онъ трудился почти четыре года, входявъ въ сообщеніе съ бывшимъ папскимъ нунціемъ въ Петербургѣ Литтою, велъ чрезъ него переписку съ самимъ Римомъ и которое теперь вполне окончено было имъ и нуждалось только въ санкціи Императора, — съ проектомъ о соединеніи Пра-

вославної церкви съ латинской (1). Нѣсколько часовъ пришлось іезуиту простоять въ самомъ человкѣ и мучитель-

(1) См. въ Имп. Публ. Библ. Записки Анастасевича и письмо его къ Данилевскому, гдѣ онъ пишетъ: «Милостивѣйшій Государь Александръ Ивановичъ! Я недавно переселился въ Коломну, по офицерской улицѣ, за литовскимъ замкомъ, противу сада барона Раля, № 37-я, въ домъ Навроцкаго. Для сего-то я столько времени лишень удовольствія видѣться съ вами у васъ и отчаиваюсь видѣть васъ у себя. Небременитесь моею просьбою по той части, для коей и вы посвящаете преимущественно ваше время—по исторіи нашего любезнаго отечества. Черезъ друга вашего г. Тургенева, который у князя Голицына все одинъ можетъ, меня чувствительнѣе обяжете копіею того представленія покойному Императору Павлу 1-му со стороны римской церкви, по которому она желала соединиться съ нашею. Сіе дѣло было въ 1797—1800; въ немъ участвовалъ покойный генералъ іезуитскій *Грубберъ* чрезъ папскаго нунція Литту. Оно оставлено втунѣ, по объясненіи отъ нашего Синода, что это старая пѣсня на новый ладъ, т. е. желаніе возобновить Флорентійскій Соборъ. Нельзя, чтобы Тургеневъ и по одной любви къ отечественной исторіи не зналъ сего обстоятельства, тѣмъ паче, когда теперь служить по части министерства иновѣрныхъ исповѣданій. Какъ это дѣло производилось келейно—въ кабинетѣ, то можетъ быть не всякому иному извѣстно. Миѣ оно исторически подробно извѣстно, недостаетъ только одного акта, которымъ вы крайне меня обяжете».

См. также труды Кіев. дух. ак. за Августъ мѣсяць 1867-го г., и въ нихъ рѣчь, произнесенную на годичномъ торжественномъ собраніи Имп. унив. Св. Владиміра, гдѣ говорится: «митрополитъ Амвросій, вызвавши Болховитинова (Евгенія) въ С.-Петербургъ, тотчасъ опредѣлилъ его учителемъ и проректоромъ Александроневской академіи; потомъ чрезъ нѣсколько недѣль постригъ его въ монашество, съ именемъ Евгенія, и посвятилъ въ архимандрита. Здѣсь на первыхъ же порахъ Евгеній имѣлъ случай оказать значительную услугу своему покровителю, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой церкви русской. Случай былъ такой. Въ 1800 г. іезуитскій генералъ Грубберъ, жившій тогда въ Петербургѣ и имѣвшій частный входъ въ кабинетъ Императора Павла 1-го, предложилъ Ему, по интригамъ паны, проектъ соединенія нашей церкви съ латинскою, безъ сомнѣнія въ томъ же родѣ, въ какомъ и прежде, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, дѣлались намъ подобныя предложенія, т. е. въ смыслѣ не соединенія церквей, а подчиненія православной русской іерархіи римско-

номъ ожидаемъ окончанія Паленовскихъ докладовъ; желанная минута долго не являлась: Палень буквально завалилъ Павла докладами и не давалъ Ему покоя и возможности перевести духъ; мрачная, непроницаемая, какъ глубина ада, душа Палена хорошо понимала, что она имѣетъ дѣло съ иезуитомъ, который, можетъ быть, теперь является въ кабинетъ Государя съ самыми зловѣщими и самыми гибельными для предначертаній петербургскаго генералъ - губернатора извѣстіями — такихъ людей опасно допускать до интимныхъ бесѣдъ съ Государемъ, и притомъ въ такіа минуты.. Палень употребилъ все свое искусство, чтобы недопустить

му церковному правительству или папѣ. Дѣло велось такъ хитро и искусно, что Государь, привлекаемый разными обѣщаніями отъ папы и иезуитовъ, видимо склонялся на ихъ предложеніе, даже нѣкоторые изъ духовныхъ были предрасположены въ пользу этого дѣла. Черезъ министра Растопчина сдѣланъ былъ наконецъ запросъ и митрополиту. Но Амвросій, вмѣсто собственнаго отвѣта, представилъ написанную по его порученію Евгеніемъ записку о папской власти, и Государь, выслушавшій эту записку, переимѣнилъ мысли и съ тѣхъ поръ не велѣлъ впускать въ кабинетъ иезуита Грубера». Последняя фраза исторически невѣрна, да и вообще во всемъ извѣстіи, передаваемомъ авторомъ рѣчи, много историческихъ обмолвокъ, неточностей, смѣшеній одной эпохи съ другою, перетасовки лицъ, вѣрнѣе только фонъ повѣствованія, т. е. фактъ существованія проекта о соединеніи православной церкви съ латинскою, обязанный своимъ происхожденіемъ главнымъ образомъ Груберу, бывшему тогда не генераломъ иезуитскаго ордена, а ректоромъ петербургскаго иезуитскаго коллегіума. Записка пр. Евгенія, написанная по случаю Груберовскаго проекта и надѣлавшая, какъ замѣчаетъ самъ Евгеній, много ему хлопотъ, или, какъ выражается онъ, много роптаній, въ перечнѣ неизданныхъ его сочиненій носитъ названіе: *каноническое изслѣдованіе о папской власти въ христіанской церкви*; она написана на латинскомъ и русскомъ языкахъ; на русскомъ языкѣ рукопись находится въ Кіево-Славянской бібліотекѣ подъ № 592-мъ; подъ нею собственноручная записка пресвященнаго о поводѣ къ ея составленію (см. Ж. М. М. II. г. 1867-й, мѣсяць Декабрь, статью г. Ивановаго: біографія митрополита Евгенія).

въ этотъ день іезуита до объясненій съ Императоромъ, и блистательно восторжествовалъ надъ Груберомъ. Государь примѣтно начиналъ терять терпѣніе отъ множества представляемыхъ Ему Паленымъ докладовъ, потомъ начались припадки раздражительности и наконецъ, при подписаніи послѣдняго доклада, гнѣвный вопросъ, обращенный къ Палену: «ну, все ли тутъ и нѣтъ ли еще чего нибудь? Тогда Паленъ, ловко воспользовавшись такимъ душевнымъ состояніемъ Павла, съ презрительною миною и ядовитою улыбкою отвѣчаетъ: все, Ваше Императорское Величество! «Только тамъ за дверьми кабинета, кажется, о. Груберъ хочетъ еще утомлять Васъ своимъ, столь извѣстнымъ Вашему Величеству, проектомъ о соединеніи русской церкви съ латинскою». Государь, уже приведенный въ раздражительное состояніе, боявшійся опоздать на разводъ, гнѣвно приказалъ Палену сказать патеру Груберу, чтобы онъ убирался съ своимъ проектомъ . . . (1). Такой приемъ, еще небывалый во все царствованіе Павла, былъ крайнимъ униженіемъ для Грубера, а вмѣстѣ громовымъ ударомъ среди яснаго неба. Въ ночь съ 11-го Марта на 12 Павелъ былъ уже бездыханенъ и еще большее пораженіе ожидало іезуитовъ на другой день, когда пронеслась по Петербургу вѣсть, что Павла I не стало и что Паленъ сталъ еще сильнѣе чѣмъ въ прежнее царствованіе (2). Теперь уже некогда было

(1) См. вышесказанное у меня рукопись.

(2) Въ Гофъ-Фурьерскомъ журналѣ послѣдній день жизни Павла I-го представляется проведеннымъ такимъ образомъ: 1801-го г. Марта 11-го дня, въ понедѣльникъ (8-й недѣли великаго поста), по утра въ обыкновенное время Его Императорское Величество изволилъ, по выходѣ изъ внутреннихъ своихъ покоевъ, присутствовать у развода. А съ 11-ти часовъ того же утра Ихъ Императорскія Величества изволили нѣсколько времени препроводить въ верховомъ выѣздѣ: Государь

думать о кзнихъ нибудь проектахъ о соединеніи церквей, а приходилось позаботиться, можетъ быть, о сокращеніи

Императоръ съ оберъ-штабмейстеромъ Графомъ Кутайсовымъ, а Государыня Императрица съ фрейлиной Протасовой 2-й. Обѣденный столъ Ихъ Величества изволили кушать въ столовой комнатѣ на 8-ми кувертахъ, а къ столу приглашены: оберъ-камергеръ графъ Строгановъ, генералъ отъ инфантеріи Кутузовъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, оберъ-штабмейстеръ графъ Кутайсовъ, адмиралъ графъ Кусхелевъ, вице-канцлеръ князь Куракинъ 1-й. Послѣ стола, въ 4 часа пополудни Ея Императорское Величество, съ приглашеніемъ фрейлины Протасовой 2-й, изволила выѣзды имѣть въ каретѣ въ Новодѣвичій Монастырь. (Смолярный), откуда и возвратилась обратно въ 6-ты часовъ.

Потомъ Ихъ Императорскія Величества изволили въ сей вечеръ провести время съ Ихъ Императорскими Высочествами: Государемъ Наслѣдникомъ, Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, Государынями Великими Княгинями и Великими Княжками: Маріей Павловной и Екатериной Павловной, такъ же и съ обыкновенно приглашающимися въ собраніе знатными особами въ гостиной комнатѣ, въ кою наконецъ вышелъ въ столовую, изволили имѣть вечернее кушанье на 19-ти кувертахъ, за которыми въ означенномъ жеслѣ находилась, отъ Его Величества начиная, съ правой стороны сидѣли: Великій князь Александръ Павловичъ, Великая княгиня Елизавета Алексѣевна, Великая княжна Марія Павловна, Статсъ-дама графиня Паленъ, камеръ-фрейлина Протасова, фрейлина Кутузова 2-я, генералъ отъ инфантеріи Кутузовъ, оберъ-камергеръ графъ Строгановъ, оберъ-гофмаршалъ Нарышкинъ, оберъ-камергеръ графъ Шереметьевъ, штабмейстеръ Мухановъ, фрейлина графиня Паленъ, сенаторъ князь Юсуповъ, статсъ-дама Ренне, статсъ-дама графиня Ливень, Великая Княгиня Анна Феодоровна и Великій Князь Константинъ Павловичъ». Далѣе продолжась журналъ: «сегодня, во вторникъ 6-й недѣли вел. поста (22-го Марта), наложеномъ глубокой трауръ на годъ и печальная комиссія учреждена въ пансионѣ Михайловскаго замка, подъ начальствомъ Дѣйствительнаго Статскаго Свѣтника Баратынскаго. Сей ночи въ первомъ часу съ 11-го на 12-е числа Марта, т. е. съ понедѣльника на вторникъ, случилась скорострѣлка въ Михайловскомъ замкѣ Государь Императоръ Павелъ Петровичъ».

Всѣмъ известно, что послѣднее приобщеніе Павла 1-го Св. Танинъ, бывшее въ субботу первой недѣли поста, было отличено отъ всѣхъ предшествовавшихъ: Павелъ, сдѣлавшись Императоромъ, всегда приобщался

существованія самого ордена. Впрочемъ, на дѣлѣ okaza-лось, что эти страхи со стороны іезуитскаго ордена были слишкомъ преувеличены: въ глазахъ Палена и его партіи Груберъ и его орденъ казались опасными, какъ политическіе, а отнюдь не религіозные, дѣятели; религіозная сторона іезуитскаго ордена имѣла мало, или почти никакого значенія въ глазахъ Палена; и когда Груберъ поставленъ былъ Паленомъ въ невозможность играть роль политическаго дѣятеля, и цѣль Палена была достигнута, тогда всякое страстное и непріязненное отношеніе Палена къ Груберу прекращалось, не имѣло никакихъ основаній и поводовъ къ своему существованію; Груберъ и его орденъ были безразличными для Палена, онъ пересталъ обращать на нихъ свое вниманіе.

Вообще Паленъ былъ равнодушенъ къ религіознымъ вопросамъ и духовно-церковнымъ дѣламъ, еслиже иногда и вмѣшивался въ нихъ и обнаруживалъ здѣсь съ свойственною ему жестокостію свое вліяніе, то вовсе не по религіозной страстности, или нетерпимости, а болѣе по другимъ причинамъ, напр. нѣмецкой національности, усердію къ исполненію Высочайшихъ повелѣній и т. под., какъ наприимѣръ показываетъ дѣло о бракѣ Синодскаго регистратора Максимова,

Св. Таниъ по царски, т. е. самъ входилъ въ далматикѣ чрезъ царскія двери въ алтарь прямо къ престолу и здѣсь приобщался Св. Таниъ, какъ приобщаются обыкновенно священники, но послѣднее приобщеніе Павла было такое же, какое бываетъ у всякаго частнаго православнаго христианина; Государь, говоритъ гофъ-фурьерскій журналъ, снявши съ себя шиню и ленту, сошедъ съ царскаго мѣста, позволилъ за духовникомъ произносить причастную молитву, послѣ которой Его Императорское Величество, бывъ въ мундирѣ, но безъ далматика, и не входя въ алтарь, а въ самыхъ онаго царскихъ дверяхъ позволилъ отъ духовника своего приобщаться Св. Христовыхъ Таниъ».

насилію обвиняннаго съ дочерью *порткало мастера Клокенберга* (1).

(1) Дѣло это представляет множество курьезныхъ сторонъ администраціи Павла I-го. Въ первый годъ царствованія Александра I-го поступила на Высочайшее имя просьба отъ Сиводскаго регистратора Максимова такого содержания, что прошедшаго 1800-го г. Іюля 10-го числа взять былъ онъ, Максимовъ, бывшимъ оберъ-полицмейстеромъ Рачинскимъ и представленъ къ С.-Петербургскому военному губернатору графу Петру Алексѣевичу Фомъ-дери-Палену, который объявилъ ему, Максиму, Высочайшее повелѣніе о обвиняніи его съ (показанною) дочерью Клокенберга Катериною, и хотя онъ, Максимовъ, его, г. военного губернатора и просилъ, по нежеланію его, Максимова, и по неизмѣннѣй склонности, избавить отъ сего брака, но на то отъ него, господина военного губернатора, объявлено, что ему дѣлать больше печего, какъ только должно исполнить Имѣнное повелѣніе; потомъ приказалъ помянутому оберъ-полицмейстеру его, Максимова, отвезти въ церковь и обвинять съ оною дочерью Клокенберга Катериною. Почему онъ, Максимовъ, гмъ оберъ-полицмейстеромъ вмѣстѣ съ нею, Катериною, отвезенъ былъ въ Казанскій Соборъ, гдѣ священникомъ онаго Степаномъ Михайловымъ съ тою дочерью Клокенберга Катериною въ началѣ 9-го часа по утру, до обѣда, при ономъ оберъ-полицмейстерѣ, и обвинчанъ. При обвинчаніи ихъ, когда священникъ спрашивалъ его, Максимова, имѣетъ ли онъ благое произволеніе взять ее себѣ въ жену? отвѣчалъ, что онъ исполняетъ волю Государа Императора. Продолжать супружескую съ нею, Катериною, жизнь онъ, Максимовъ, не желаетъ, потому что онъ обвинчанъ противъ своей воли и склонности, каковой онъ и нынѣ не имѣетъ. Прежде брака съ женою своею, дочерью пѣмца Клокенберга Катериною Ивановою, любовной къ ней склонности не имѣлъ и взаимнаго между нимъ и ею къ браку согласія не было, кромѣ одного съ нею знакомства, но жителству его въ одномъ домѣ.

Когда началось сѣдствіе по просьбѣ Максимова, стали спрашивать и Катериину Клокенбергъ, какъ она сдѣлалась женою Максимова. Она показала, что прежде брака съ регистраторомъ Максимовымъ, по жителству его въ одномъ съ нею домѣ, любовную склонность къ нему имѣла, а съ его стороны была ли къ ней таковая склонность и взаимное съ нею къ браку согласіе, она не знаетъ. Когда же родители ея, замѣти въ ней любовь къ нему, Максиму, стращали ее засѣчь до смерти, тогда она, убоясь сего наказанія и избравъ себѣ легчайшую смерть, прошедшаго

Между тѣмъ страхъ, навѣщенный смертію Павла I-го на іезуитовъ, имѣлъ для нихъ своего рода хорошую сторону и

1800-го г. Юлія 8-го числа, по утру, въ 9-мъ часу, бросилась въ рѣку Мойку, съ намѣреніемъ утопиться, но изъ оной полицейскими служителями была вытащена и представлена 1-й адмиралтейской части въ частный судъ, откуда, по отобраніи отъ нея частнымъ инспекторомъ о причинахъ ея намѣренія объясненія, отдана родителямъ ея, съ подтвержденіемъ имъ, чтобъ они впредъ съ нею такъ строго не поступали. На другой день послѣ того, т. е. 9-го числа Юлія въ вечеру, бывшій полицмейстеръ Зильбергарнишъ, взявъ ее, Катерину, съ матерью ея, представилъ къ г. военному губернатору графу Петру Алексѣевичу Фонъ-деръ-Палену, который спрашивалъ ее, Катерину, желаетъ ли она вступить въ бракъ съ упомянутымъ регистраторомъ Максимовымъ, на что она ему, г. военному губернатору отвѣчала, что не желаетъ, а тоже самое и отъ матери ея было объявлено, но на сіе онъ, г. военный губернаторъ объявлялъ имъ Имѣнное повелѣніе, и хотя мать ея и просила его, г. военного губернатора, чтобъ избавить ее, Катерину, отъ сего съ Максимовымъ брака, но онъ отозвался, что долженъ выволнить волю Государя Императора, и съ тѣмъ она, Катерина, и мать ея имъ, г. военнымъ губернаторомъ, отлучены были въ домъ свой, а 10-го числа Юлія по утру наизвѣстная была она, Катерица, квартальнымъ офицеромъ въ домъ къ г. военному губернатору и оттуда вмѣстѣ съ регистраторомъ Максимовымъ былинаго оберъ-полицейстеръ Рачинскимъ отвезена въ Каванскій Соборъ, гдѣ священникомъ онаго Собора Степаномъ Михайловичемъ она, Катерина, съ тѣмъ Максимовымъ, въ началѣ 9 часа по утру, до обѣдни, при ономъ же оберъ-полицейстерѣ и обвѣчана. При вѣчаніи имъ, на вопросъ священника объявила-ли она, будучи тогда обвѣта страхомъ, согласіе свое къ такому браку, или нѣтъ, не знаетъ. Митрополитъ Амвросій, которому Государь приказалъ разсмотрѣть это дѣло, призналъ, что бракъ Максимова съ Катериною Клокенбергъ долженъ быть расторгнутъ. Но это было только частное мнѣніе Амвросія, когда же дѣло поступило на обсужденіе Синода, то Синодъ призналъ совершеніе его особразнымъ съ церковнымъ чиноположеніемъ, а потому и не подлежащимъ расторженію. Тогда Государь чрезъ Троицкаго далъ знать митрополиту, что хотя Св. Синодъ, признавая совершеніе брака Максимова съ дѣвицею Клокенбергъ особразнымъ съ церковнымъ чиноположеніемъ, не можетъ приступить къ расторженію его, но Императоръ, видя, что всѣ обстоятельства, браку оному предшествовавшія и аго сопровождающія, дока-

благіе результаты въ томъ отношеніи, что заставилъ ихъ обратиться за помощію и покровительствомъ къ вліятельнѣйшимъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ людямъ, пробудилъ энергію въ ихъ прежнихъ друзьяхъ и покровителяхъ, а также натолкнулъ ихъ на мысль заручиться новыми покровителями изъ той среды, которая начала обнаруживать свою силу съ новымъ царствованіемъ. Несмотря на самую пеструю смѣсь лицъ, окружавшихъ новаго 25-ти-лѣтняго Государя и старавшихся раздѣлить труды новаго правленія, — смѣсь, гдѣ величаво и сановито выступаютъ государственные люди времени славнаго царствованія Екатерины Великой, и шершительно вы-

зываютъ ясно, что не могъ онъ быть совершенъ съ согласіа мужа, и участие въ немъ полиціи есть между прочимъ такой признакъ принужденія, коюго ничѣмъ опровергнуть невозможно и который одинъ составляетъ уже весьма важное противъ твердости сего брака предубѣжденіе, сколько бы впрочемъ соблюденіе при немъ обыкновенныхъ обрядовъ и дало ему наружнаго вида законной силы, а потому приказалъ Вашему Высокопреосвященству, чтобы Вы, по долгу архипастырскому призвавъ къ себѣ сію чету, преподали ей средства, на совѣсти основанныя, къ лучшему и удобнѣйшему положенію жизни ихъ, какое только можетъ позволить имъ настоящее ихъ состояніе. При этомъ Государь прислалъ 1000 рублей и приказалъ выдать ихъ Максиму, если онъ согласится жить съ своею женою; если же нѣтъ, то эти деньги должны быть отданы его жнѣ; оберъ-прокурору Св. Синода тайному совѣтнику Хвостову можно было имѣть Максимова въ особенномъ вниманіи. Максимовъ, по сдѣланномъ ему утѣшаніи митрополитомъ Амвросіемъ, выразилъ желаніе жить съ Клокенбергъ, какъ съ женою. Это много содѣйствовало къ промоціи Максимова на службѣ, какъ видно изъ оберъ-прокурорской переписки (см. въ арх. канц. Петербург. митрополитовъ дѣло 1801-го г. 23-го Мая, подл. № 122-лѣ, о братѣ Синодальнаго регистратора Максимова, помянуто обвиняемаго съ дочерью вортнаго мастера Клокенберга).

О другихъ самоуправныхъ и злонамѣренно жестокихъ дѣйствіяхъ Палена находятса поразительныя извѣстія въ рукописи, извѣстной подъ именемъ «Разказы сенатора Ивана Даниловича Данилова».

глядывали суровыя лица Гатчинцевъ, и весело и какъ то эффектно улыбаясь, съ сознаниемъ своего превосходства, сновали люди новой эпохи, носители и распространители новыхъ идей; не смотря на преобладающее влияние въ первые мѣсяцы царствованія Александра извѣстнаго триумвирата, состоявшаго изъ Палена, Бенигсена и Платона Зубова, іезуиты не могли незамѣтить тутъ во первыхъ, многихъ лицъ, извѣстныхъ имъ по своему расположенію къ ихъ ордену, или друзей и родственниковъ ихъ покровителей, или по крайней мѣрѣ людей знакомыхъ, или наконецъ по своимъ убѣжденіямъ отличавшихся совершеннымъ религіознымъ индифферентизмомъ, во вторыхъ, не могли не видѣть, что молодой Государь на столько умудренъ опытами жизни, на столько успѣлъ понять и изучить науку государственнаго управленія и распознаванія людей, что сьумѣеть стряхнуть съ себя влияние триумвирата и избавиться отъ непрошеной опеки надъ Нимъ. Вліяніе вдовствующей Императрицы на Своего царственнаго Сына и на дѣла управленія не могли не имѣть важнаго значенія для іезуитскаго ордена, особенно если припомнимъ, что Груберъ, — главный вождь этого ордена, пользовался благосклоннымъ вниманіемъ и особеннымъ расположеніемъ Маріи Осодоровны. Нѣтъ сомнѣнія, что іезуиты умѣли во время воспользоваться всѣми этими обстоятельствами для интересовъ своего ордена и заручиться всѣми средствами для огражденія себя отъ враждебныхъ нападеній съ какой бы ни было стороны. Но всетаки удаленіе Палена отъ дѣлъ правденія и низведеніе Бенигсена и Зубова до второстепенныхъ ролей были привѣтствуемы іезуитами радостно и приняты были за весьма хорошее предзнаменованіе для ихъ ордена, особенно когда они узнали, что тутъ главнымъ